

МЕЖДУ ПОНЯТИЕМ И СМЫСЛОМ СПРАВЕДЛИВОСТИ

М. В. БАЙТЕЕВА*

Байтеева Марина Владимировна,
кандидат юридических наук,
докторант кафедры философии
и социологии права
Института права,
социального управления
Удмуртского государственного
университета

В статье рассматривается понятие справедливости в качестве категории, которая осуществляет руководство правом. В соответствии с позициями авторов различных философско-правовых теорий понятие справедливости является базовым в любой из них. В то же время оценка формальной и содержательной сторон понятия справедливости у авторов существенно различается. Так, в отличие от других философов Отфрид Хёффе и Джон Ролз определяют справедливость как личное моральное ощущение, элемент собственных убеждений. Одновременно с этим Джон Ролз подчеркивает, что в конструктивном отношении нравственный мотив может опираться не только на субъективное мнение автора действия, но и на сформулированные принципы, которыми автор руководствуется на пути достижения своих интересов. Именно в этом пункте методы правовой науки обнаруживают главную проблему: доказательств справедливости действий выводятся дедуктивным путем через пропозиционные установки языка.

Автор рассматривает также междисциплинарные исследования проблем понимания права. Сравняются возможности анализа значения права и его смысла с позиций постклассической науки. Обсуждаются особенности подхода к индивидуализации смысла, присущие концепции Роберта Брэндома. Согласно его точке зрения, проблема восприятия смысла справедливости проявляется на уровне различий между индивидуальным и общим представлением, выраженных в формах языка. Между тем восприятие высказываний о справедливости ориентируется на собственный интерес.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: понятие справедливости, смысл справедливости, Джон Ролз, психология морали, объективация идей, язык и право, право и мораль, междисциплинарные исследования права, коммуникация, инференция, восприятие идей, Роберт Брэндом.

* Bayteeva Marina Vladimirovna — doctor of law (candidate), applicant of department for legal philosophy and sociology of Institute for legal science, social government and safety at the Udmurtian State University.

© М. В. Байтеева, 2013

E-mail: mbayteeva@yanoo.de

BAYTEEVA M.V. BETWEEN THE NOTION AND SENSE OF JUSTICE

The article considers justice as a concept which governs law. According to the different views of contemporary theories of justice, justice is a basic notion for all of them. At the same time, the evaluation of the form and the substance of justice differs significantly. As opposed to other philosophers, Otfried Hoeffe and John Rawls claim that justice is the personal moral perception, an element of one's own beliefs. At the same time, Rawls emphasises that constructive ethical reasoning may be based not only on the subjective opinion of an action's agent, but also on the formulated principles which the agent considers while realising his interests. In this point there is the main problem of the method of legal science: proofs of justice are derived deductively through the propositional provisions of the language. The author also covers the problems of legal understanding from the interdisciplinary perspective. The author compares the possibilities of analysis of legal meaning and significance from the position of the postclassical science. The article discusses the characteristics of Robert B. Brandom's approach to the individualisation of sense. According to Brandom, the problem of perceiving the sense of justice is manifested in the differences between an individual and a general idea expressed in the lingual forms. However, the perception of claims about justice is targeted at one's own interest.

KEYWORDS: notion of justice, sense of justice, John Rawls, psychology of morality, objectification of ideas, language and law, law and morality, interdisciplinary research of law, communication, inference, perception of ideas, Robert B. Brandom.

Согласно традициям исследования понятия «справедливость», как правило, принято делать акцент на анализе его формальных критериев и свойств. По этой причине практическое применение идей права сопровождается значительными трудностями. Действительно, принципы и идеалы права могут выступать лишь как общий ориентир, поэтому при их формулировке не указывается, какой они должны иметь масштаб и в какой мере допустим в отношении них компромисс. В этом смысле вопрос о том, как идеи справедливости трансформируются в правовую норму, по-прежнему остается актуальным.

Немецкий философ О. Хёффе предлагает дифференцировать имеющиеся нормативные модели справедливости следующим образом:

модель на основе кооперации или установления консенсуса;

модель на основе договора;

модель на основе рациональных понятий и категорий;

модель на основе взаимного обмена и коммуникации.¹

Все предлагаемые варианты нормирования отношений определяют справедливость как руководящий принцип достижения положительного результата для участников процесса. Наиболее привлекательной представляется последняя модель — модель взаимного обмена и коммуникации, которая базируется на простых и понятных для всех началах отношений. Модель коммуникации, по мнению Хёффе, позволяет преодолеть привычную дихотомию «эгоизм или альтруизм», поскольку в ней признается личная выгода каждого из участников процесса. «Это позволяет исключить эгоизм, рассматривающий людей лишь в качестве

¹ Хёффе О. Справедливость. М., 2007.

конкурентов», — полагает ученый.² Таким образом, мыслитель убежден, что найти приемлемый вариант компромисса для справедливых отношений можно, только разводя по разные стороны баррикад два антропологических начала: эгоизм и альтруизм.

Немецкий философ выделяет несколько форм справедливого социального обмена (ценностями и интересами): позитивный, или синхронный обмен; негативный, или диахронный обмен; а также компенсационный обмен. Раскрывая содержание этих процессов, О. Хёффе относит к первому варианту обмен «способностями или опытом», который осуществляется членами общества из положительного интереса каждого из них. Второй вариант предполагает взаимный отказ от насилия и других негативных аспектов отношений в обществе. Третий вариант предполагает бескомпромиссную «помощь» для тех, кто в ней безоговорочно нуждается. Таким образом, Хёффе полагает, что справедливость может менять принципы своей реализации в зависимости от имеющихся условий.

Конечно, рассмотренные формы справедливости являются лишь предпосылкой структурирования правовых норм, которые должны быть наполнены реальным содержанием. Как методически протекает этот процесс, хорошо демонстрирует теория справедливости Дж. Ролза. Американский философ предлагает особый подход к анализу понятия «справедливость».³ В отличие от своих предшественников ученый строго разграничивает содержание и смысл справедливости, а также дифференцирует методы их анализа.

Философ выделяет в теории справедливости метаэтический, нормативно-реконструктивный и морально-психологический подходы к исследованию понятия справедливости. Наряду с когнитивным аспектом исследования справедливости философ подчеркивает особое значение ее практической стороны, которая связана не столько с тем, какие представления о ней мы имеем, сколько с тем, как выражается справедливость в реальности наших действий. Дж. Ролз полагает, что тот, кому ясен смысл справедливости, практически убежден в правильности предпринимаемых действий, а следовательно, может совершать их в соответствии с принципом справедливости. «Смысл справедливости — это активное желание действовать по принципу справедливости и с точки зрения справедливости», — подчеркивает философ.⁴ Эти мысли можно интерпретировать как попытку понять мотив, на который человек ориентируется в своих действиях.

Как замечают некоторые исследователи, определение смысла справедливости в указанном контексте можно соотнести с традиционным для философии обозначением способности делать умозаключения о том, что справедливо, а что нет.⁵ Однако если рассматривать представления Ролза только в данном аспекте, то, безусловно, в его позиции ничего нового нет. Вместе с тем, тот факт, что мыслитель говорит не только о характере аргументации при вынесении суждений, но и о чувствах человека, высказывающего такие суждения, наглядно демонстрирует отрыв его идей

² Там же. С. 102.

³ Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, 1971. (Русский перевод: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. — В рамках данной статьи используется оригинал книги Ролза.)

⁴ Ibid. § 86. P. 615.

⁵ Scarano N. Der Gerechtigkeitssinn // Rowls J. Eine Theorie der Gerechtigkeit. Berlin, 2006. S. 231–249.

от имеющихся философских традиций. Наиболее показательным в этом контексте является раздел теории Ролза под названием «Чувство справедливости», где он демонстрирует намерение исследовать не столько привычный формальный аспект справедливости, сколько особенности ее восприятия.

Различия между просто суждениями, выраженными с помощью языка, и внутренней мотивацией, не имеющей такого выражения, очевидны. Представляется, что именно здесь особо нагляден разрыв между дескриптивным и нормативным пространством оформления права. Если отталкиваться от формальной характеристики понятия справедливости, то процесс вынесения суждения и, соответственно, принятия решения, в основе которых лежит определенный мотив, не может ориентироваться на смысл, который в нормативном аспекте должен быть нейтрален. По этой причине Дж. Ролз не видит места для выведения смысла справедливости, исходя из формальности понятий.

Если способность суждения коррелирована с когнитивным актом, а мотивационный аспект — с желанием, то оба идут от различных интенциональных состояний. Поскольку идея или мотив могут быть связаны с суждением лишь с помощью понятия, задачей метаэтики являются не нормативные суждения, а, скорее, оформление высказываний в них. Такой вид описания, конечно, не отражает смысла справедливости, а выступает игрой языка.

Если отталкиваться от различий между дескриптивным и нормативным описанием справедливости, то в допонятийном пространстве смысл справедливости объективировать нельзя. Его можно или выразить индивидуально, или обобщенно описать посредством языка. Разницу между ними показывает немецкий ученый Н. Скарано. «Если в одном случае мы говорим, что Дж. Ролз убежден в несправедливости дискриминации, а в другом случае мы утверждаем, что дискриминация несправедлива, то налицо два разных типа употребления языка», — подчеркивает он.⁶ В первом случае мы описываем убеждения, автором которых является Дж. Ролз, во втором — обобщаем выраженные им убеждения. Таким образом, различия здесь очевидны.

Л. Виггенштейн называл такую практику языковой игрой. При вынесении суждений второго типа нам не важно, есть или нет реально то, что выражено в высказывании. Значение такого выражения измеряется здесь масштабом обобщения, что и придает понятию характер нормы. В противоположность второму высказыванию первое высказывание является дескриптивным, с его помощью происходит описание убеждений конкретного автора, соответственно, установка индивидуально воспринимаемого масштаба справедливости. Такое описание не является нормативным, но может таковым стать, перейдя в разряд обобщений, формирующих норму. Таким образом, становится понятным, почему в центре анализа теории Ролза появляется процесс формулирования нормативных высказываний.

Смысл справедливости, считает мыслитель, может проверяться тем, наглядна или нет в высказываниях о справедливости степень ее обобщения. Суждения о справедливости могут быть абстрактными в качестве выражения равенства или беспристрастности, или конкретными как выражение конкретных действий определенных лиц. В любом из этих вариантов, считает Дж. Ролз, присутствует логическая связь, которая отвечает за

⁶ Ibid. S. 238.

формирование тех или иных высказываний или убеждений. Система таких высказываний никогда не является завершенной или беспробельной, и следовательно, реконструкция «моральной геометрии» не только возможна, но и необходима.⁷ Дж. Ролз убежден, что смысл справедливости можно узнать по следам, оставленным в ее содержании. Поэтому понятие справедливости, считает он, нормативно лишь постольку, поскольку сформулировано и выражено дедуктивно.

На основании указанных выше различий между описанием и выражением справедливости, соответственно, между нормативным и дескриптивным высказываниями о ней, можно сделать вывод о том, что реконструкция смысла справедливости имеет характер методологии. В этом контексте особую роль играет морально-психологический аспект восприятия справедливости. В рамках данного измерения можно говорить не столько о когнитивном, сколько об аффективном или мотивационном аспектах акта справедливости. При этом важно не столько то, как определяется само понятие, сколько то, в каких условиях и каким образом оно формируется.

Дж. Ролз убежден, что таким образом можно учесть как интеллектуальные и моральные, так и эмоциональные и экзистенциальные стороны справедливости. Данный аспект исследований понятия справедливости появляется в рамках анализа аргументации понятия равенства. Так, ученый показывает нам, что процесс объективации справедливости можно наблюдать с помощью того, как происходит обоснование поступков справедливо-го человека. Философ выделяет три этапа морального развития, которые проходит каждый человек: первый этап ориентирован на авторитет, второй ориентирован на групповую мораль, третий — на признаваемые принципы.⁸ На всех трех этапах, по мнению мыслителя, большое значение имеет принцип равных возможностей или взаимности, который выполняет роль психологического регулятора чувства справедливости.

На основе такого понимания справедливости философ формулирует три общеизвестных морально-психологических закона, на основании которых формируется способность человека разделять чувство справедливости с другими.⁹ Как признает сам философ, начиная с отношений в семье и заканчивая институциональными отношениями, эволюция морали личности может быть представлена лишь спекулятивно. Поэтому внутренний мотив, в соответствии с которым мы действуем справедливо, так и остается необъективированным.

В качестве морального понятия справедливость часто используется только для того, чтобы инкорпорировать в рациональный выбор знание о том, что является справедливым или принято считать справедливым в обществе. Иначе говоря, чтобы «привить» внешний контекст определения понятия справедливости внутренней системе убеждений. По этой причине акцент, сделанный Дж. Ролзом на морально-психологической стороне восприятия справедливости, ясно показывает нам, что традиционные методы ее исследования мало подходят для исследования внутренних феноменов.¹⁰ Внутреннее нельзя описывать по аналогии с внешним, т. е. дескриптивно.

⁷ Rawls J. A Theory of Justice. § 20, 68.

⁸ Ibid. § 70–72.

⁹ Ibid. § 75.

¹⁰ Scarano N. Der Gerichtigkeitssinn. S. 248–249.

Надо признать, что специально вопросами семантики Дж. Ролз не занимался, на что обращают внимание и другие исследователи.¹¹ Американского философа интересует прежде всего вопрос о том, как анализ языка используется для анализа «вещей». Как подчеркивает философ, теория принятия решений строго рациональна, поэтому он выступает против тех процедур, которые формализуют понятия морали.¹² По мнению О. Хёффе, в качестве альтернативы Ролз признает за ними вероятностный характер, поскольку такие понятия зависят от условий применения.¹³

Безусловно, если признать, что в мире сосуществует большое количество людей, физические или интеллектуальные способности которых различны, то объективные обстоятельства дифференцированного применения справедливости налицо. Такую же степень дифференциации можно отметить и в пространстве субъективных обстоятельств, которые отталкиваются от индивидуальных представлений, как должны быть организованы конкретные жизненные планы каждого из нас. Поэтому нельзя не согласиться с мнением Дж. Ролза о том, что принцип справедливости должен быть направлен не на определение содержания правил или норм, а на практическую организацию дискуссий о том, как регулировать конкурирующие интересы.¹⁴ Такие дискуссии могут протекать только в рамках коммуникации.

Главная проблема утилитаризма заключается в том, что формулировка норм осуществляется на основании приобретения максимальной пользы для всех, что практически невозможно, поскольку информационный потенциал для принятия таких решений всегда ограничен. По этой причине смысл справедливости коррелирован не с общими, а с индивидуальными интересами, реальное содержание которых должен определять каждый самостоятельно. В такой ситуации конкурирующих интересов эффективно применение теории игр, которую Дж. Ролз предлагает использовать в процедурах выделения критериев справедливой коммуникации: во-первых, для определения независимого масштаба классификации интересов, где каждый получает одинаковые преимущества; во-вторых, для определения метода рационального выбора в условиях предлагаемой Ролзом «вуали неведения».¹⁵

По мнению О. Хёффе, американский философ убежден в том, что научная теория ведет себя по отношению к обыденным суждениям о справедливости аналогично лингвистике по отношению к обычному языку. Иначе говоря, донаучный смысл понятия постоянно «совершенствуется», т. е. обростаёт языковыми конструкциями, которые в свою очередь определяются философскими теориями.¹⁶ Такой процесс отражает глубокие проблемы науки, которая работает не с миром событий и вещей, а с их описанием в языке.

Еще немецкий ученый Вильгельм Шапп, занимаясь феноменологией права, исследовал различия между определением наукой ценностей или идей и тем, как воспринимаются идеи и ценности людьми. В отличие от умозаключений о том, что ценно, а что нет, восприятие, подчеркивал

¹¹ Höffe O. Einführung in Rawls' Theorie der Gerechtigkeit // Rawls J. Eine Theorie der Gerechtigkeit. S. 3–26.

¹² Rawls J. A Theory of Justice. § 15, 70–75.

¹³ Ibid. § 22.

¹⁴ Ibid. § 23.

¹⁵ Ibid. § 14.

¹⁶ Ibid. § 3.

философ, никогда не противостоит цели демонстрации ценности, а, скорее, представляет то, чем такое восприятие в реальности могло бы стать. Таким образом, важнейший тезис феноменологии В. Шаппа — не демонстрация идей, а их восприятие человеком.¹⁷ Ослабление позиций феномена восприятия в истории философии и науки мыслитель связывает с греческой философией. Здесь уместно вспомнить и мысль М. Хайдеггера о том, что онтологическое противопоставлено философской традицией онтическому — свободному от научных знаний горизонту восприятия бытия. Иначе говоря, описанию бытия всегда противопоставлено само бытие. Поэтому поиск смысла понятий и вещей Хайдеггер называл «экзистенциальной аналитикой», которая несовместима с рациональными методами науки.

Переход от описания понятий к их смыслу означает смещение интерпретации от внешнего горизонта рационального понимания к внутреннему горизонту субъективного восприятия, что требует применения специальной методологии. Пока такой методологии нет, но ее контуры обозначены рядом междисциплинарных исследований. Так, известный специалист по философии языка Роберт Брэндом предлагает перейти от анализа значения к анализу смысла с помощью специальной методологии — инференции смысла.¹⁸ Первым условием реализации подхода Брэндома является развитие коммуникативной практики, вторым — использование инференциального анализа значений.

Инференция — это вид умозаключения, которое в отличие от логики формируется в ходе коммуникации и осуществляется с помощью аргументов участников интерпретации. «Инференция имеет ключевое значение для понимания различных типов дискурса и представляет собой процесс извлечения адресатом дополнительных, невыраженных смыслов в языке (имплицитных смыслов), который осуществляется с опорой на широкий круг языковых и неязыковых знаний», — считает российский исследователь А. В. Прохоров.¹⁹ Иначе говоря, инференция представляет собой мыслительную операцию по восстановлению тех смыслов, которые не выражены вербально.

В таком варианте понимание и смысл могут быть реализованы через коммуникацию, специфической «продукцией» которой становится аргументация применяемых значений языка или их актуализация.²⁰ В основу концепции Р. Брэндома положены идеи немецких философов Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Напомним, что для Э. Гуссерля первичная данность явления в сознании — это не предметные свойства, а его жизненная важность (или значимость). В этом контексте понимание социальной вещи или идеи означает анализ человеческой деятельности или мотивов, из которых они проистекают. По сути, ни понятия морали, ни понятия права не высказывают ничего реального, поэтому смысл материальных вещей или нематериальных идей можно понять не в контексте их названия или значения,

¹⁷ Schapp W. Beiträge zur Phänomenologie der Wahrnehmung. Halle, 1910.

¹⁸ Основные положения концепции представлены в: *Brandom R. B. Making It Explicit*. Cambridge, 1994; *Brandom R. B. Articulating Reasons. An Introduction to Inferentialism*. Cambridge; London, 2000.

¹⁹ См. подробнее: *Прохоров А. В.* К проблеме содержания понятия «инференция» // *Когнитивные исследования языка*. Т. V: Исследование познавательных процессов в языке. М.; Тамбов, 2009. С. 196, 199.

²⁰ См.: *Mertens K. Die Kontextualität des Verstehens in Heideggers Daseinshermeneutik und Brandoms inferentialistischer Heidegger-Interpretation* // *Verstehen nach Heidegger und Brandom* / Hrsg. B. Merker. Hamburg, 2009. S. 191–210.

а в контексте возможности их использования в конкретной ситуации. Эта мысль выражена в базовом понятии философии М. Хайдеггера, изложенном в книге «Бытие и время», — понятии «*Dasein*», которое означает «быть здесь и сейчас».²¹ С помощью этого понятия Хайдеггер убеждает нас в том, что вещи имеют для нас значение только тогда, когда мы сами можем с ними что-то делать.

В каких отношениях находятся теоретические знания, например о справедливости, и наш «жизненный мир»? Если мы не отделимы от мира, в чем убеждает нас постклассическая наука, то любое структурирование в теории означает разрушение «переживания» мира в сознании человека.²² Следовательно, различия между значением и смыслом проявляются не на границе привычных субъект-объектных отношений. Они появляются, что подчеркивают и Хайдеггер, и Брэндом, на границе деления между собственными и несобственными действиями, которые всегда ориентированы на смысл.²³ Иначе говоря, такое понимание смысла справедливости всегда принадлежит конкретному субъекту и никакой теорией такой смысл не может быть объективирован. Искать смысл справедливости можно лишь экзистенциально — «отталкиваясь от себя». «Нетранзитивно-вербальное значение “жить” эксплицируется, представляется в собственном сознании и так становится актуальным только как “в чем жить”, “для чего жить”, “из чего жить”; все это есть многообразие “жизни”, которое показывается и приписывается пропозиционному содержанию, фиксируется с помощью понятия “мир”, поэтому жизнь и мир являются не двумя существующими сами для себя объектами, а, скорее, являются их совмещением в сознании человека», — писал М. Хайдеггер.²⁴

Французский психоаналитик Ж. Лакан также полагает, что главная причина инструментализации языка — необходимость опосредовать то, что реально отсутствует. Воплощение идеи справедливости в языковых формах наглядно отражает такой процесс, который Т. Лукман объяснял как взаимную связь экстернализации, объективации и интернализации идей. Упрощенно этот процесс можно также сформулировать так: мысли перерабатывают «образы», наука делает их объектом (объективирует), средства языка внедряют через слова-понятия в реальность.²⁵ Проблемы возникают, как правило, на второй стадии — объективации, где разница между объяснением слова и объяснением вещи в реальности исчезает.

Ж. Лакан предлагал решать такие проблемы понимания с помощью структурной лингвистики. Язык интересовал его прежде всего как коллективная система отношений, в которой язык выступает не как субстанция, а как особая форма — социальный институт. Все, что выражает эта форма, соотносится со знаками языка, которые, в свою очередь, состоят между собой в особых дифференцированных отношениях. На основании этого мыслитель подчеркивает важные критерии языка:

²¹ *Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1986.*

²² Подробно данная проблема рассмотрена в: *Olay C. Verstehen und Auslegung beim frühen Heidegger // Verstehen nach Heidegger und Brandom. S. 51.*

²³ Объект рассматривается Хайдеггером как нечто неконкретное, имеющееся вообще и оторванное от опыта человека (*Vorhandene*), для Брэндома таким объектом является высказывание пропозиционного содержания, т. е. представление суждений.

²⁴ *Heidegger M. Phänomenologische Interpretation zu Aristoteles. Einführung in die phänomenologische Forschung. Frankfurt am M., 1985. (Цит. по: Olay C. Verstehen und Auslegung beim frühen Heidegger. S. 52.)*

²⁵ *Luckmann T. Theorie des sozialen Handelns. Berlin; New York, 1992. S. 110–124.*

1) знак отражает не изначальные идеи и представления, а представляет ценности, которые являются таковыми из-за их места в целостной системе;

2) язык исходит не из организованной им реальности, а из принципа дифференциации, т. е. всякая возможность представления и идентификации может возникнуть только в последующем языковом оформлении.

Для права это имеет особое значение, ведь продуктом юридического языка выступает нормативность, которая направляется на отношения между людьми. Пока нормативность создается пропозиционными установками значений, проблемы восприятия идей права только усугубляются. «Человек говорит определенным образом, благодаря чему и становится человеком», — подчеркивал Ж. Лакан.²⁶ Мысль Лакана можно перефразировать так: не общество учит нас говорить, а специфическое умение говорить создает и развивает общество. Это в полной мере относится и к праву: манера говорить создает соответствующий вид права. Феноменологическое понятие «интенция» (направленность сознания на мир) хорошо отражает проблему обхождения нормативности с вопросом познания и понимания.²⁷ Интенциональность сознания показывает нам, что различия между субъектом и объектом есть не что иное, как различие между содержанием сознания и языком, который не зависит от экзистенциальной и трансцендентальной природы вещей.²⁸

Если «жизненный мир» — это мое собственное бытие, то черта понимания справедливости проходит между двумя модусами: моим собственным и несобственным отношением к ней. Такое понимание должно протекать не в горизонте вопрошания «как?» (например, как следует поступать справедливо), а уже в горизонте «почему?» (почему следует поступать именно так). Горизонт вопроса «Почему я должен это делать?» открывает доступ к смыслу права. В ответе на него раскрываются обстоятельства, свойства ситуации собственного бытия, важность и значимость происходящих для меня событий. Именно поэтому, подчеркивает немецкий философ Г. Фигал, обстоятельства не поддаются определению через теоретические установки, описывающие их в своем анализе.²⁹

«Понимать» означает анализировать не объект, а события, факты, окружающие меня и имеющие значение для меня, выявлять те структуры, которые выступают инструментом моего понимания. Только через такую рефлексию существует возможность «преодолевать» существующие проблемы, принимать собственное решение, подчиняться правилам добровольно. Пока социальная практика и правовая наука фокусируются на обобщенных «значениях» объекта, происходит игнорирование его значимости для человека. Именно поэтому Р. Брэндом противопоставляет социальной практике практику коммуникативную, цель которой — поиск смысла, т. е. собственная аргументация используемых значений. В очень близком контексте подходит к определению коммуникации российский ученый А. В. Поляков. ««Социальное» — это взаимодействие на основе понятого смысла общих для взаимодействующих текстов», — пишет он.³⁰

²⁶ Цит. по: *Pagel G.* Jacques Lacan zur Einführung. Hamburg, 2002. S. 41.

²⁷ См. подробнее: *Brandom R. B.* Begründen und Begreifen. Eine Einführung in den Inferentialismus. Frankfurt am M., 2001. S. 16ff.

²⁸ *Olay C.* Verstehen und Auslegung beim frühen Heidegger. S. 53.

²⁹ *Figal G.* Gegenständlichkeit. Das Hermeneutische und die Philosophie. Tübingen, 2006. S. 29–30.

³⁰ *Поляков А. В.* Нормативность правовой коммуникации // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 5. С. 32.

Поэтому имплицитный смысл правовой коммуникации, по Полякову, заключается в осмысленной и ответственной реализации человеческой свободы.³¹

Дополняя эти мысли, хотелось бы заметить, что в контексте коммуникации структура смысла проявляется через реконструкцию употребляемых значений языка. Этот процесс необходим прежде всего потому, что за введенными некогда значениями стоят чужой опыт и чужое «переживание» событий. Любое такое значение выступает представлением того, что материально уже не воспринимается. О феномене «исчезнувшего» смысла того, что описано языком, писал немецкий ученый Г. Мюллер: «Действительность, в которой мы живем, где наша жизнь упорядочена таким образом, она ни в коем случае не реальна, но она влиятельна, причем влиятельна не предметно, не как непосредственно данная наличность в физической реальности настоящего. Такая действительность образуется, скорее, в широком смысле через нечто неосознаваемое и отсутствующее. Философские и естественно-научные учения о мире любят представлять это как систему невидимых сил», — писал Г. Мюллер.³² Очень простые размышления показывают, что это «чужой» смысл, который господствует в нашей жизни.

Ввиду сомнительности критериев оценки инвариантных принципов и идей права, а также возможности утраты их актуальности, Р. Брандом предлагает им альтернативу: введение в коммуникацию процедуры инференции смысла (назовем ее условно аналитикой «зачем?»). Об этом уже упоминалось выше. Главную идею Брандома можно назвать, как предлагает немецкий ученый К. Мертенс, переходом от теории *knowing-how* к практике *knowing-that*.³³ Коммуникация, в рамках которой такая практика будет происходить, должна заниматься «производством» специфической продукции (вещей) языка — выработкой собственных аргументов и демонстрацией ответственности за унаследованные идеи, которыми мы продолжаем пользоваться сегодня.

³¹ Там же. С. 39.

³² Müller G. Die Bedeutung der Zeit in der Erzählkunst. Bonn, 1947. S. 5.

³³ Mertens K. Die Kontextualität des Verstehens in Heideggers Daseinshermeneutik und Brandoms inferentialistischer Heidegger-Interpretation. S. 206.